

Творческие люди своих обидчиков могут ранить без оружия

Дмитрий СМИРНОВ

Недавно «КП» рассказала, как сводят счеты кажущиеся беззащитными художники. Своих обидчиков они, не дрогнув, представляют на полотнах в смешном, глупом или ужасном виде. Но из людей искусства не одни живописцы склонны разбираться со своими врагами с помощью художественных образов. 5 октября в продажу поступила новая книга одного из главных мастеров мстить в литературе - Виктора Пелевина. Однако не он первый ступил на эту скользкую тропинку. Сегодня мы расскажем о тех, кто задолго до Пелевина, не имея вообще ничего, кроме слова, разбирался со своими оппонентами.

Попадья Пушкина

«Вечерком иногда являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной, первой вестовщицею во всем околотке». Александр Пушкин, «Капитанская дочка».

Во времена Пушкина, с которого и началась наша большая литература, сложение слов было занятием отчасти божественным. И любые зарифмованные словосочетания моментально обретали черты чуть ли не приговора небес. Александр Сергеевич не стеснялся и палил по недругам направо и налево. Нагрубил Пушкину литератор Фаддей Булгарин, тот без сомнения бабахал из двустволки двустилием: «Россию продает Фаддей, да уж не в первый раз, злодей!» Не понравилось Александру Сергеевичу, как отозвались о его творчестве «литературные академики» того времени, он громыхнул из пушки: «Уму есть тройка супостатов, Шишков наш, Шаховской, Шихматов». Имея возможность без ограничений лупить куда угодно из главного калибра, особой нужды размениваться на мелкую дробь прототипов и прозрачных намеков не стоило труда. Тем не менее и Пушкин не был чужд этой литературной игры и порой откровенно спекулировал возможностью «вставить в пьесу» даже по самым ничтожным поводам.

Его соседка по деревенской жизни Осипова в мемуарах вспоминала: «Мы нередко его угощали мочеными яблоками, да они ведь и попали в «Онегина»; жила у нас в то время ключницей Акулина Памфиловна - ворчунья ужасная. Бывало, беседуем мы все до поздней ночи - Пушкину и захочется яблок; вот и пойдем мы просить Акулину Памфиловну: «Принеси да принеси моченых яблок», - а та разворчит. Вот Пушкин раз и говорит ей шутя: «Акулина Памфиловна, полноте, не сердитесь! Завтра же вас произведу в попадьи». И точно, под именем ее в «Капитанской дочке». Был у нас буфетчик Пимен Ильич - и тот попал в повесть». Сдержав обещание, Пушкин не утерпел и все же подколот ворчливую ключницу, назвав ее первой «вестовщицей», то есть сплетницей в округе.

Дядя Грибоедова

«Ах злые языки страшнее пистолета!» Александр Грибоедов, «Горе от ума».

Одна из самых злых российских комедий «Горе от ума» вообще появилась на свет в результате желания автора посчитаться с обидчиками. Однажды Грибоедова, как будущего героя комедии Чацкого, объявили в московском обществе сумасшедшим. Вот что вспоминал об этом один из друзей поэта Ф. Эванс:

«Грибоедов рассказал, тревожно ходя взад и вперед по комнате, что дня за два перед тем был на вечере, где его сильно возмутили выходки тогдашнего общества, раболепное подражание всему иностранному и наконец подобострастное внимание, которым окружали какого-то француза, пустого болтуна. Негодование Грибоедова постепенно возрастало и, наконец, его нервная, желчная природа высказалась в порывистой речи, которой все были оскорблены. У кого-то сорвалось с языка, что «этот умник» сошел с ума, слово подхватили и разнесли его по

всей Москве. - Я им докажу, что я в своем уме, - продолжал Грибоедов. - Я в них пущу комедией, внесу в нее целиком этот вечер: им не поздоровится».

Поэт сдержал обещание, характернейше описав в комедии московское общество. Фамусовым, по общей версии, стал родной дядя автора Алексей Федорович Грибоедов. Сам поэт в отрывке «Характер моего дяди» описывает его: «Вот характер, который почти исчез в наше время, характер моего дяди. Он как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге, в отставке жил сплетнями. Образец его нравоучений: «Я, брат!»... Софьей стала дочка дяди Софья Алексеевна.

Обед Крылова

Далеко не всегда поэты и писатели мстили обидчикам пером. Иногда все было чуть ли не наоборот. Знаменитый баснописец Иван Андреевич Крылов, носивший в начале XIX века - да, да, при живом Пушкине! - лавры первого поэта империи, не чурался покарать наглеца и более прозаичным способом. Особенно если тот беспардонно влезал на «его территорию». Граф Хвостов, один из писателей той эпохи, не оставивший заметного следа в литературе, однажды обиделся на замечание Крылова о своем творчестве. И решил ответить, как полагается, эпиграммой:

*Небритый и нечесаный,
Свалившись на диван,
Как будто неотесанный
Какой-нибудь чурбан,
Лежит совсем разбросанный,
Зоил Крылов Иван:
Объелся он иль пьян?*

Месть Крылова была специфической. Он заявил графу при встрече, что на правах известного поэта хотел бы послушать его стихи. Приехал к Хвостову на обед, съел за троих (аппетитом Крылов славился не меньше, чем поэзией). А когда граф пригласил его в кабинет для чтения стихов, улегся там на диван и тут же уснул. Будить звезду обескураженный Хвостов не посмел.

Окружение Чехова

«Ходил он в трактир к Порфирию Емельянычу и все страдал в газетах пропечатать. Подойдет к нему человек за водку деньги спрашивать, а он сейчас по уху... «Как? С меня деньги? Да знаешь ты, кто я такой? Да знаешь ты, что я могу в газетах пропечатать, что ты душу загубил?» [АНТОН ЧЕХОВ](#), «В бане».

Многие современники описывают Антона Павловича как человека весьма желчного, подмечающего любую мелочь. И прототипы для своих едких рассказов Чехов отыскивал на каждом шагу, не жалея порой даже близких друзей. Роман одного из своих лучших друзей художника Левитана с замужней женщиной, о котором в обществе лишь шептались, он более чем прозрачно описал в рассказе «Попрыгунья». Левитан после публикации рассказа был в шоке и даже хотел вызвать Чехова на дуэль. Хотя порой писатель мог мстить пером и за своих друзей. Вот как описывает один из таких случаев его брат [Михаил Чехов](#).

«Дирижер и основатель филармонических курсов в Москве П. А. Шостаковский, когда дело касалось музыки, забывал обо всем на свете, превращался в льва и готов был разорвать в клочки каждого из своих музыкантов за малейшую ошибку в оркестре. Заслышав такую ошибку, он тотчас же стучал палочкой и останавливал весь оркестр.

- Если ты, скотина эдакая, - обращался он к музыканту, - будешь портить мне ансамбль, то я тебя выгоню вон. Наш милый знакомый А. И. Иваненко, флейтист в его оркестре, приняв эту обиду на свой счет, спросил с достоинством:

- Смею думать, Петр Адамович, что эти ваши слова относятся не ко мне?

- Да, не к тебе, не к тебе, - ответил Шостаковский, указывая на барабанщика, - а вот к этому болвану! Если ты будешь продолжать в таком же духе, я тебя за уши выдеру. Барабанщик обиделся и демонстративно сошел с эстрады».

Чехов выписал склочного дирижера в рассказе «Два скандала», который начинается так: «- Стойте, черт вас возьми! Если эти козлы-тенора не перестанут рознить, то я уйду! Глядеть в ноты, рыжая! Вы, рыжая, третья с правой стороны! Я с вами говорю! Если не умеете петь, то за каким чертом вы лезете на сцену со своим вороньим карканьем? Начинайте сначала!

Так кричал он и трещал по партитуре своей дирижерской палочкой».

Разгром Булгакова *«Потом, разломав молотком двери шкафа в этом же кабинете, бросилась в спальню. Разбив зеркальный шкаф, она вытащила из него костюм критика и утопила его в ванне. Полную чернильницу чернил, захваченную в кабинете, она вылила в пышно взбитую двуспальную кровать в спальне. Разрушение, которое она производила, доставляло ей жгучее наслаждение, но при этом ей все время казалось, что результаты получаются какие-то мизерные».* **Михаил Булгаков**, «Мастер и Маргарита».

Как ни крути, но при царской цензуре писателям было проще называть вещи своими именами, чем при советской власти. Одним из первых, кто в полной мере пострадал от гонений государственных критиков, был **Михаил Булгаков**. Его пьесы были запрещены во всех театрах, издательства отказывались принимать его рукописи. Без средств к существованию и права голоса Булгаков мог отомстить лишь на бумаге. По его велению главная героиня «Мастера и Маргариты» по пути на бал Воланда залетает свести счеты с критиком Латунским. Разгром, устроенный ею в квартире, выписан автором с такой тщательностью и любовью, что сомневаться не приходится - к этому человеку Булгаков питал особые чувства. Латунского читатели вычислили сразу. В этом образе Михаил Афанасьевич выписал реального критика Асафа Литовского, в свое время громившего произведения самого Булгакова. Досталось и остальным, принимавшим участие в травле писателя. Всесильный критик, племянник Свердлова и свояк Ягоды **Леопольд Авербах**, возглавлявший гонения на писателя, в романе предстает редким негодяем по фамилии Ариман. Достается и драматургу **Всеволоду Вишневскому**, автору пьес «Мы из Крондштадта» и «Оптимистическая трагедия», изгонявшему булгаковские пьесы из ленинградских театров. В романе он фигурирует под фамилией Лаврович (через ассоциацию с лавровишневыми каплями!) и тоже весьма неприятный тип. Недаром Мастер в одной из сцен книги восклицает: «Об одном жалею, что на месте этого Берлиоза не было критика Латунского или литератора Мстислава Лавровича».